

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Ю. Зудин

Фашизм в России: образы и реальности новой опасности

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1995_2_Zudin.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

ФАШИЗМ В РОССИИ: ОБРАЗЫ И РЕАЛЬНОСТИ НОВОЙ ОПАСНОСТИ

А.Ю.Зудин

Правый радикализм и фашизм — продукты западной цивилизации, т.е. высоко дифференцированного и институционализированного общества, в самой культуре которого закреплено обостренное ощущение неприкосновенности существующих границ и иерархий этнического, местного, социального и имущественного характера. Ничего сколько-нибудь сопоставимого в современном российском обществе просто нет. Существующие в настоящее время в России фашистские организации представляют собой продукт “импорта”, не имеют, на мой взгляд, “опорных точек” в истории

ЗУДИН Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, ИМЭМО РАН.

и культуре страны, заимствуют у своих западных аналогов не только идеологию, но и внешнюю атрибутику. Если термины “фашизм” и “правый радикализм” использовать по возможности точно, то вряд ли имеет смысл серьезно обсуждать проблему фашизма в России как сколько-нибудь реальной политической силы.

Если трактовать “фашизм” предельно широко (а именно такая трактовка преобладает в настоящее время) как некий конгломерат великодержавности, национализма, авторитарности и социальной демагогии, то и в этом случае, по моему мнению, вряд ли можно говорить о наличии у этих явлений достаточно мощных корней в российском обществе, способных реально изменить направление политического развития страны. Конечно, в отличие от “классических” фашистских и праворадикальных групп коммунистические, некоммунистические и национал-популистские политические организации обладают и массовой базой, и мобилизационными возможностями. Однако они располагаются на социальной и политической периферии и не имеют пока серьезных шансов на власть, хотя и способны быть источником дестабилизации.

Причины, по которым тема фашизма заняла одно из центральных мест в обсуждении перспектив политического развития России, на мой взгляд, имеют скорее когнитивный, а не онтологический статус. Их корень — в изменившейся позиции демократов “первой волны” в политическом процессе, а также в кризисных явлениях, происходящих в демократическом сознании.

Успех партии Жириновского на парламентских выборах вызвал перелом в восприятии демократическим сознанием политических процессов в стране. Если до декабря 1993 г. обобщенный образ опасности, угрожающей демократии в России, обозначался словами “коммунистический реванш”, то после декабря его место прочно занял образ “фашистской угрозы”.

Переориентация демократического сознания на новый “образ опасности” сопровождалась расширением представлений об источнике опасных тенденций. Если ранее таковой усматривался в возможности “номенклатурного заговора”, то в последующем его место в демократическом сознании заняли образы “больного общества” и “имперского государства”. Феномен “фашизма” появляется в поле демократического сознания всякий раз, когда оно использует подобные образы для описания политической реальности.

Эти образы концентрируют внимание на разных источниках опасности: один — на обществе, другой — на государстве, но они обладают внутренним единством, стержень которого образуют “сквозные” идеи авторитаризма, национализма и традиционализма.

Образ “больного общества” наиболее уязвим с точки зрения его познавательных возможностей и в наибольшей степени вызван причинами эмоционально-психологического свойства — травмами и фобиями демократического сознания после декабря 1993 г. Этот образ расходится с рядом устойчивых тенденций в массовом сознании и поведении, а именно:

- поддержку демократии как политическому идеалу постоянно оказывает около половины российских граждан;
- сторонники установления диктатуры составляют меньшинство, а их доля продолжает оставаться стабильной на протяжении длительного времени;
- абсолютное большинство населения считает невозможным возврат к “системе, существовавшей до 1985 г.”;
- большинство членов общества сохраняет способность к рациональной оценке ключевых событий внутренней и внешней политики и к прагматической реакции на них.

Будучи неадекватным познавательным инструментом, образ “больного общества” сам по себе может стать источником опасности для демократического процесса. Во-первых, потому что разрушает основу демократического мировоззрения — веру в здравый смысл избирателей. Во-вторых, потому что чреват расколом между демократическими политиками и обществом. В-третьих, потому что позволяет демократам “первой волны” снять с себя ответственность за происходящее. И, наконец, в-четвертых, потому что в явной или неявной форме содержит “искушение автори-

таризмом" и, одновременно, уже готовое обоснование для переориентации на недемократические методы политического управления.

Образ "имперского государства" имеет, на мой взгляд, реальное познавательное значение и отображает, хотя и в неадекватной форме, ситуацию политического тупика, в котором в настоящее время оказались властные структуры и сложившаяся политическая система.

Реальный источник опасности для демократии в России коренится, как представляется, в нынешнем состоянии идеологических, политических и властных структур, в тех процессах, которые протекают в тесно связанных с этими структурами — и между собой — сообществах: в государственной бюрократии, формирующемся "политическом классе" и интеллигенции. Корень опасных тенденций — власть, а не общество. Здесь можно выделить два фактора, имеющих принципиальное значение. *Первый* — это слабость политической системы, сложившейся после августа 1991 г. Типы политической организации и политической идеологии, которые были избраны в качестве "нормативных", начинают все больше расходиться с реальностями "переходного общества". Партии оказались неспособны обеспечить массовую политическую мобилизацию и демократическое участие граждан в обществе с "приватизированными" жизненными интересами, испытывающем глубокое недоверие к "большим" организациям и коллективным действиям вне зависимости от их политической окраски.

"Негативный" тип политической идеологии (антикоммунизм) быстро исчерпал себя и с трудом поддается обновлению (неуспех замены антикоммунизма на антифашизм). В то же время отсутствуют позитивная политическая идеология и общественный идеал, адекватные не только стратегическим целям реформ, но и реальностям переходного периода.

Второй фактор — идеологическая "нейтральность" власти (высшая бюрократия), которая в период "позднего социализма" привыкла воспринимать и использовать идеологию сугубо инструментально. На первых порах эта особенность власти и бюрократии обеспечила их сравнительно быструю и безболезненную политическую переориентацию. Сейчас, в период спада демократического движения и дискредитации основных установок демократов "первой волны", идеологическая нейтральность начинает подталкивать власть в прямо противоположном направлении, стимулируя ее принятие националистической и державной идеологии.

Нынешний идеологический дрейф власти, адекватно фиксируемый образом "имперского государства", во многом был призван компенсировать негибкость новой политической системы, не обеспечившей реальных связей между государством и обществом.

Уязвимость образа "имперского государства" как познавательного инструмента связана с тем, что при слабости политической системы власть остается единственным источником социально-политической стабильности.

Для того, чтобы власть оказалась в состоянии выполнить эту свою функцию, необходима корректировка роли партий в политической системе и укрепление связей власти с обществом с учетом реальностей его "переходного состояния".

Фашизм, по моему мнению, — скорее условное обозначение опасности для демократии в России, нежели источник реальной угрозы. Последний коренится в кризисе демократического сознания, травмированного результатами парламентских выборов 1993 г. и продолжающего находиться в кругу политических представлений, сформировавшихся в период подъема демократического движения. В силу этого демократическое сознание не демонстрирует пока способности найти выход из тупика, в котором в настоящее время оказались властные структуры и "августовская" политическая система.